

Я мало что могу рассказать о своем прошлом. Рос, учился, играл, веселился. Сложно выделить что-нибудь одно. Я бы сказал проще — я просто жил. Многие бы со мной не согласились. Один мой знакомый по колледжу вообще не понимал, как я мог жить без интернета и мобильного телефона. Жил. Вполне спокойно. В небольших поселках Кировской области это обычное явление. Там банально не ловила связь и телефоны стали появляться уже после 2010 года. Я, кстати, тогда заканчивал девятый класс и ими особо не интересовался. Экзамены. Отчаянное желание уехать подальше от этого снежного края. А ведь когда-то я его любил. Даже фамилия была подходящей — Снежный, а имя — Михаил. Правда, этому имени я нисколько не соответствовал, уродившись довольно мелким и миловидным, с непривычными для этого места иссиня-черными волосами и голубыми глазами. Первое унаследовал от матери, имевшей корни в Ташкенте, второе было подарком отца, русского в сотом колене, как тот любил говорить. Почему в сотом, я так и не узнал, тот погиб, когда я пошел в первый класс. Волки растерзали, как мне тогда сказали, но я не верил. Отец в моей памяти остался сильным, могучим, как медведь. Такого не могли порвать волки, но ребенку было сложно добиться ответов, а после это стало неважным.

Я уже говорил, что родился весьма миловидным пареньком? Это действительно было так, но я еще забыл добавить, что у меня было две старших сестры. Оля и Люда. Они были погодками, а я поздним ребенком, с разницей в десять и девять лет соответственно. Ну и еще один интересный факт, мы все трое родились в январе. Я в самом начале, девятого числа, Оля четырнадцатого, а Люда двадцать третьего. Вот такие вот зимние детки. Впрочем, куда печальнее было то, что в отличие от сестер, я обладал нетипичной для этих мест внешностью. Черные волосы, голубые глаза, смазливое личико... мне завидовали мои же сестры! Когда я немного подрос, конечно. Ведь они со своими светло-русыми волосами и голубыми глазами, экзотикой не были. Типичная славянская внешность, а я пошел в маму. Тонкокостный мальчик...

Я быстро научился давать сдачи и отвечать на колкости, но этого было мало. Я мог быть сколько угодно языкастым, но без возможности защитить себя, мои слова ничего не стоили. Я мог бы стать изгоем, но... спас случай. В нашу глушь приехал мастер муай-тай. Хотя мне трудно судить насколько его мастерство было велико, но тогда я увидел в этом возможность. Клуб любителей лыж, на который меня затащили сестры, был моментально забыт. Едва я узнал, что мастер решил преподавать тайский бокс в школе, мое заявление легло к нему на стол. Мастер тогда меня долго разглядывал, смотрел в глаза, а когда я настроился на отказ, согласился. Так началось мое обучение в муай-тай.

Не берусь сказать, о чем думал мастер, когда принимал мое заявление, но я был ему благодарен. Да, первый год было чудовищно сложно. Он нас шлифовал, происходила «набивка» — от многочисленных гематом черствеют нервные окончания на внешней части голени от стопы до колена, чтобы в дальнейшем спортсмену было не больно бить этим местом по противнику. В конечном итоге голень должна стать нечувствительна, как деревяшка. Набивать приходилось и пресс, чтобы не пробили под дых, а также предплечья, бедра и стопы. Кроме того, от постоянного подъема на цыпочки для ряда ударов начинается крепатура стопы, как у танцоров балета. Еще большая вероятность получить по носу — и сломать его. Как любой другой боевой вид спорта, муай-тай травмоопасен и может сильно пошатнуть физическое здоровье, но кого это останавливало? Верно, никого.

Занятия понравились не всем. Много отсеялось еще в первый месяц, зато те кто остались, занимались на совесть. Тут уже никто не смотрел на смазливую мордашку. Муай-тай учил уважать соперника. Постепенно я завоевывал уважение. И ко мне перестали лезть, ведь я мог ответить. Ну, а к девятому классу, я еще и вытянулся сильно, нарастил мышечную массу и перестал напоминать девочку. Сомневающимся в этом ждала хорошая трепка, причем, уже не только словесная. Если кто-то не понимал слова, я охотно чесал кулаки. Впрочем, таких было мало, все ученики одного мастера, держались друг за друга и, если требовалось, приходили на помощь. В общем, поймать меня и завалить телами было сложно. Поселок-то был маленьким и тут все друг друга знали, поэтому хватало один раз проучить и после парни становились осторожнее, да и злопамятностью не отличались. Народную забаву стенка на стенку, никто не отменял, да и вообще, в месте, где восемь месяцев в году снег, люди гораздо проще.

Снег... да? Белый, сверкающий нестерпимым светом на солнце. Он преследовал меня всю жизнь. Первые победы и поражения, они шли с ним бок о бок. Отец погиб, когда снег только начал сходить. Сестры уехали в южную часть России, когда настали холода. Ничего необычного, просто поиск работы и лучшей жизни, все равно им требовалось учиться и работать, чтобы нормально жить в Краснодаре. Вдвоем это было проще, а после они там и остались. Виделись мы с ними не часто, все же разница в возрасте была большой, но мама частенько к ним ездила на недельку-другую, спокойно оставляя меня одного. Ради этого пришлось даже осваивать тяжелую науку варкипельменей, а не только уха на природе. Получалось съедобно, постепенно обрастая новыми навыками и рецептами. В итоге, к тринадцати годам я гордо мог сказать, что умею готовить не только походную еду. На деле, конечно, за мной присматривали соседи, которые были родней со стороны отца, но мне нравилось ощущать свою независимость. Ровно до того момента, как...

В Краснодаре бывает очень скользко зимой. Снег редкость, но не гололед. После я сто раз думал, что лучше бы я ничего не умел и мама осталась дома, а не поехала к сестрам, но изменить уже ничего не мог. Моя мать погибла, когда не справившийся с управлением грузовик, на огромной скорости врезался в остановку. По стечению обстоятельств, именно на ней стояла мама, ожидая мужа одной из моих сестер. Семеро погибших и в их числе — она.

Снежная Светлана, моя мать. Я узнал об этом уже через две недели, когда стало поздно, даже просто приехать и проститься с ней. Меня лишили даже такой малости. Просто через две недели приехала старшая — Ольга и потребовала собираться. Она не собиралась рассказывать мне подробности, просто собиралась забрать мои документы из школы и забрать с собой, оставив разговор на своего мужа. Зря. Это единственное, что я ей с Людой простить не смог. Они лишили меня права в последний раз увидеться с мамой. Единственным человеком, который обо мне заботился и всегда поддерживал. И пусть остальные назовут меня маменькиным сынком, они просто не были знакомы с ней. Поступок сестер, я мог назвать только... предательством.

Кричать и что-то доказывать Ольге было бесполезно. Упертая, разбалованная большим городом, она свято верила, что для меня так будет лучше. Мне оставалось только искренне жалеть, что четырнадцатилетним детям нельзя жить без опекуна, а она оказалась старшим родственником. Ей просто повезло, что мастер учил меня терпению. Только это остановило меня и я сдержался, почти. Гадостей я тогда сказал ей много, но нисколько не жалел об этом. Заслужила. Не только она, но и Люда. Жаль, что они обе не поняли почему я взбесился, в отличие от своих мужей. Эти поняли, но в открытую не поддержали. Так началось наше молчаливое противостояние. Я не собирался оставаться у сестер дольше необходимого. Сразу после переезда, найдя подработку и не забрасывая тренировки. Закончился девятый класс и я подал документы в колледж, выбрав для этого другой город. Скандал был жуткий, но я не спрашивал разрешения, это понимали и мужья сестер, умудрившись с ними договориться. Больше проблем не было. Поступил я легко, получил место в общежитии. От финансирования отказался. На звонки не отвечал, только раз в неделю отправлял короткую SMS, что жив, здоров, учусь. Я бы и этого не делал, но с них бы случилось приехать и забрать документы без моего ведома. Провоцировать не хотелось.

Колледж закончил с отличием, пусть пришлось тяжело, но я был слишком упрям, чтобы признаваться в слабости и принимать подачки сестер. С того самого момента, как я уехал от них, я больше ни разу к ним не возвращался, а стоило стать совершеннолетним и вовсе порвал все связи. Раз в год приезжал на могилу матери и все. Останавливался в гостинице, никому ничего не сообщал, а после уезжал обратно, мне надо было работать. В конце концов, закончил колледж, снимал квартиру. Благо, проходя практику в одной фирме, мне удалось там задержаться и кое-какие деньги у меня были. Привередой я никогда не был, поэтому на жизнь хватало. Амбиции и упорство позволили относительно быстро расти по карьерной лестнице, а друзья еще с колледжа не давали захандрить, вытаскивая на гулянки. Пару раз даже на футбольные матчи ездил, но особого интереса он у меня не вызвал, я по-прежнему больше тяготел к борьбе. Жаль, что на матчи попасть получалось редко, а смотреть в интернете уже совсем не то. Жизнь начинала напоминать рутину, и я решил посетить старого мастера. В прошлом, именно на него я равнялся, у него спрашивал совета.

Хочется горько рассмеяться. Я ведь решился на это дело зимой, как раз после последнего

рабочего дня в году. Заскочил домой за собранной сумкой и рванул на последний самолетный рейс. До Кирова долетел нормально, оттуда до Котельнича добрался без происшествий, пусть и пришлось выложиться на такси. Дальше было проще, меня там встречали родственники со стороны отца, с которыми я сохранил нормальные отношения, часто звоня им. В конце концов, именно тут остались многие мои друзья, с которыми мы начинали путь бойцов муай-тай. Они продолжили, а я... я поддерживал форму, но спарринг партнеров у меня не было давно.

Мастер несколько не удивился, когда увидел меня на пороге своего дома. Просто пропустил внутрь и, напоив чаем с плюшками, выслушал. Просто позволил выговориться. Не торопя, когда я запинаясь, мучительно подбирая слова. Мне запомнились его мудрые глаза, аура спокойствия и силы. На некоторое время, я вновь стал тем подростком, который пришел подавать заявление в клуб тайского бокса. Чужой взгляд цепко держал меня, не давая лукавить. Я сам не заметил, как вывалил все, что происходило со мной.

Мастер ничего не сказал. Не стал навязывать свою точку зрения. Мне этого и не требовалось. Я просто хотел выговориться, и он это понял. Молча поддержал меня, оставил у себя в доме на все зимние выходные.

Неделя спокойствия, тренировок и единения с окружающим миром. Тело, отвыкшее от таких нагрузок, отозвалось приятной болью. Мне стало спокойнее, но надо было возвращаться. Реальный мир никуда не делся.

Я уходил не прощаясь.

«Твой путь только начался» — вот что услышал я вслед.

Горько. Я улыбался, когда автобус, на котором я ехал в Котельнич заглох на середине дороги. Идти и туда, и сюда было одинаково опасно. Налетела метель. От нее не спасали и редкие лесопосадки вокруг дороги.

Интересно, сколько мы не дошли? Километр, два? Так ли это важно? Нет.

Наставник, мой путь закончился, так и не начавшись. Вы все же ошиблись.

Мне не было холодно, я любил снег несмотря ни на что.

Белый-белый снег.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/56231/1433353>